

Семья людей

Некоторые иллюстрации к теории практики буржуазного гуманизма

В январе я был в Швеции, почти на самой вершине европейской карты; казалось, оттуда далеко просматривается Европа: огни городов, дымы, чайки над заливами.

Электронный, промышленный Запад тяготеет к старине, к пряничным домикам сказок; ряженные одеты в костюмы пажей и принцесс, в заповедном «уголке старины» громыхает по булыжной мостовой карета с гербами, на площади перед дворцом выстраиваются на развод караула потешные солдаты в музейных мундирах и тамбур-мажор машет жезлом.

Здесь — смутное, сквозь сон, воспоминание о временах, когда «все было хорошо», и попытка убедить себя в том, что время не движется...

В золотом зале стокгольмской ратуши, где в присутствии короля чествуют лауреатов Нобелевской премии, я видел фреску, изображающую путь человека от колыбели до гроба: человек рождается, растет, принимает на себя груз житейских забот, старится и умирает. Это был, так сказать, прямой, ничем не осложненный маршрут, извечный «график движения».

В музее современного искусства я рассматривал выставку фотографий. Дети. Девочка с куклой. Силуэт ребенка. Беременная с тяжелыми руками. Мама с детьми. Влюбленные. Молодожены и трогательные седые парочки, дожившие до золотой свадьбы. Особый интерес к старикам: объективы фиксируют дрожание рук, засыпание, застывший старческий взгляд... В зале суда: слезы на глазах оправданного... Женщина из окна бросает в глубину двора музыкантам монету: решительный жест руки — да не оскудеет рука дающего!

Это — философия быта, вернее — быт, возведенный в философию: отрешенность от бурь политики, покой, сон, как единственная основа человеческого благополучия, залог доброты, противоядие от зла и жестокости.

Такая философия доходчива и удобна: физиологический акт жизни сам по себе уравнивает всех — добрых и злых, правых и виноватых, того, кто из окна бросает монету, и того, кто стоит под окном, не предусматривая при этом необходимости поменяться местами. Важно, что человек живет, уместаясь в схему, начертанную на стене ратуши.

Все же «схема» нуждается в некотором уточнении: в двадцатом веке человек слишком часто шел к могиле не «самостоятельно», его вели к ней под конвоем, даже не дав ему «созреть» и принять на себя «житейские заботы». И могила эта — не на тихом кладбище, под крестом, а во рву или в балке.

Я вспомнил стокгольмскую фреску и выставку месяц спустя, в Таганроге, куда приехал собирать материал для новой книги: пишу сейчас документальное повествование о фашистской оккупации русского юга (зона действия так называемой «эйнзатцгруппы Д» — Кубань, Северный Кавказ, Ростовская область).

...Каждую неделю в оккупированном Таганроге производилась разгрузка тюрем: арестованных доставляли за город, в Петрушину балку, там их расстреливали. Начиная с 17 октября 1941 года, двадцать два месяца с Владимирской площади в деревню Петрушино возили на грузовиках и гнали пешком заложников и «подозрительных», коммунистов и комсомольцев, евреев и цыган, русских и украинцев. Но Петрушина балка никогда не бывала сыта.

В июне 1943 года «в связи с продовольственными трудностями» решено было очистить город от многолетних семей, стариков, инвалидов и неработающих — под видом переселения в Мариуполь вывезти их в Петрушину балку. «Переселению»

подлежало шесть с половиной тысяч человек, которых выявили по домовым книгам и с помощью «отдела благотворительных учреждений»: было объявлено, что лица, остро нуждающиеся в пособиях, могут подавать в «отдел» заявления с просьбой о «вспомоществовании». Улюдей, подавших заявления, отбирали паспорта, метрические свидетельства детей, затем вручали повестку: такого-то числа явиться с вещами на Владимирскую площадь.

Поднялась паника. «Выселяемые» продавали за бесценок свое имущество, не знали, что делать с домами, с квартирами, некоторые пытались обжаловать решение, отчаянно доказывали, что живут хорошо и ни в каком пособии не нуждаются.

Я нашел в архиве прошение Екатерины Владимировны Пчелиной, жительницы Северного поселка, которая попала в роковой «список отъезжающих» вместе с тремя детьми. «Я не являюсь ни инвалидом, ни пенсионеркой... Прошу оставить меня на своем месте в городе Таганроге».

Прошение Пчелиной написано на листе плотной бумаги, на обороте черным готическим шрифтом набраны стихи Вальтера фон дер Фогельвейде, немецкого рыцаря и миннезингера XIII века («мин- не» — любовь, «занг» — песня, «миннезингер» — певец любви):

Мужчина в верности незыблем, как скала,
Как придорожный столб, он тверд и несгибаем...

Это был, очевидно, бланк немецкого «фронтового письма» — стихи Фогельвейде служили эпиграфом и должны были взбадривать дух отправителей и адресатов. Поэтическая стрела, пущенная семь столетий назад, залетела в далекий Таганрог, в Северный поселок.

Это соседство на одном и том же листе бумаги возвышенных строк и горемычной просьбы «не высылать» относилось к тем противоестественным сдвигам поэзии и смерти, культуры и варварства, которые в двадцатом веке ознаменовались соседством Веймара и Бухенвальда или размещением в чеховской гимназии в Таганроге «зондеркоманды СС 10-а» (еще и сейчас в школьном саду время от времени находят черепа и скелеты замученных гитлеровцами).

Но мыслимо ли такое «соседство»? Неужели семь веков «европейской цивилизации», прошедшие после утренней песни Вальтера фон дер Фогельвейде, усилия поэтов, ученых, философов потребовались для того, чтобы выработать «современного европейца», например — начальника штаба 11-й пехотной дивизии майора Франца, который в июне 1943 года, в присутствии ортскоменданта - Эрлиха, бургомистра Дитера и начальника городской полиции предателя Стоянова дал указание о проведении неслыханной таганрогской «акции».

Между тем, с точки зрения «западной нравственности», все эти персонажи вполне подходят под рубрику «человек» и имеют право на «место под солнцем».

Где сейчас майор Франц, где ортскомендант Эрлих? Может быть, по улицам западных стран беспрепятственно, в качестве «свободных граждан» разгуливают так и «не обнаруженные» до сих пор начальники кровавой «зондеркоманды СС 10-а» Зецей, Кристман, Тримборн, врач команды д-р Герц, который присутствовал на всех расстрелах в Петрушиной балке и смазывал таганрогским детям губы отравляющим веществом? Ведь если посмотреть на этих, теперь уже немолодых господ, то внешне они мало чем отличаются от мирных обывателей, изображенных на стокгольмских фотографиях. И никому нет дела до того, кто они такие, чем занимались двадцать лет назад и чем заняты сегодня...

На многих бедствиях оккупированного Таганрога лежит тень генерала СС Зеппа Дитриха. В городе размещалась эсэсовская дивизия «Адольф Гитлер», которой он командовал, и тысячи преступлений, совершенных в Петрушиной балке, непосредственно связаны с именем Дитриха.

Сейчас Зепп Дитрих живет в Федеративной Республике Германии, он один из главарей эсэсовской Организации ХИАГ и неперенный участник всех встреч «товарищей по оружию». В печально известной книге генерал-полковника Пауля Хаусера «Войска СС в действии» Дитриху как нацисту-боевику отведено немало прочувствованных строк и в числе прочего говорится, что он «славно» воевал в Таганроге.

Почему же Зепп Дитрих не наказан, а получает пенсию и живет в почете? Неужели все дело в чрезмерном добросердечии «запада»?

Ответ мы находим в той же книге Хаусера, где войскам СС дается исчерпывающая характеристика: «Главной задачей войск СС была борьба против большевизма!», а дальше подчеркнуто, что именно войска СС, «борясь с большевизмом, закладывали основы европейского единства... Европейская идея получила здесь первое боевое крещение». Вот она — подоплека. «Борьба против большевизма», ненависть к коммунистической идеологии являются своего рода пропуском в так называемый «западный мир», в идиллию выставочного «гуманизма», который объединяет в некое «сообщество людей» зловещего эсэсовского волка и старушку, мирно дремлющую в своем кресле.

Еще в 1959 году канцлер Аденауэр, стремясь усыпить общественное мнение, сказал, что «солдаты войск СС были обычными солдатами, такими же, как все другие», а когда в 1961 году «почил» знаменитый эсэсовский генерал Панцер-Майер, один из самых кровавых палачей, действовавших в зоне «эйнзатцгруппы Д», — Аденауэр, Штраус, Кроне, Хассель и другие руководящие деятели Федеративной Республики Германии поспешили выразить свое «искреннее сочувствие»...

Аденауэр, плачущий над гробом Панцер-Мейера — это ли не сюжет для трогательной фотографии на одной из «гуманистических» выставок!

Но кто оплачет Петрушину балку?..

...В Таганроге я заинтересовался историей партизанского подполья, судьбой так называемой «группы Афонова», о которой к нам в 1963 году прорвались лишь глухие и не совсем ясные сведения.

В конце октября 1941 года в Таганрог из Матвеева Кургана пришел секретарь тамошнего районного исполкома Василий Ильич Афонов; поселился у знакомых людей, как-то он встретился с инженером Мостовенко — тот не успел эвакуироваться, продолжал работать на заводе.

В 1942 году в Таганроге возникли три подпольные группы: первая — под руководством Николая Морозова — состояла из комсомольцев, студентов сельскохозяйственного техникума. Вторая группа, которой руководил Степан Иванович Мостовенко, называлась «Боевой штаб» — в нее входили рабочие и служащие заводов «Гидропресс», «Красный Котельщик», металлургического, кожзавода № 1. Третью Группу возглавлял Василий Афонов, ой же осуществлял общее руководство всеми тремя группами.

Подпольщики действовали решительно, умно и осторожно, шло постепенное наращивание сил, сбор оружия, подготовка к решающей схватке; смонтировали радиоприемник, слушали сводки Советского информбюро, распространяли отпечатанные на пишущей машинке бюллетени.

Главное было впереди. Подпольщики знали, что перед своим неминуемым отступлением гитлеровцы начнут взрывать заводы, вывозить оборудование; это му надо было, во что бы то ни стало помешать, создать боевые дружины на всех важнейших предприятиях с тем, что бы в нужный момент поднять восстание, ударить по немцам с тыла и соединиться с наступающими частями Советской Армии.

В феврале 1943 года из-за нелепой случайности погибла группа Морозова; гестаповцы обнаружили текст партизанской клятвы с подписями. Комсомольцы были арестованы, их подвергли «активному допросу», но Афонова не выдал никто, В течение одной ночи всю группу расстреляли в Петрушиной балке.

К Афонову и Мостовенко беда пришла позже, в самом конце мая. Здесь нам снова придется вернуться из 43-го года в 1963-й, перенестись из Таганрога в Канаду.

В Канаде, в Торонто, в собственном доме на улице Дюпон ле нокс (телефон № 6-3270) проживает некий господин, переселившийся сюда в 1951 году из Бельгии, вместе с семьей. Жаль, у нас нет возможности с ним поговорить: он мог бы многое рассказать об Афонове, о партизанах и о Таганроге времен оккупации. Дело в том, что господин, проживающий на улице Дюпон ле нокс, это следователь полиции Ковалев, который по приказу немецких оккупантов вел в Таганроге следствие по делу группы Афонова.

...Арестованного приводили в кабинет следователя из подвала. В кабинете стояло три стола, за одним из них сидел Ковалев. Он начинал допрос скучно, как бы нехотя, потом доставал из ящика стола резиновый шланг, бил допрашиваемого по спине, плечам, по лицу. Из-за своих столов выскакивали два других следователя — добавляли. Иногда вместо шланга применялся четырехжильный провод в резиновой оболочке.

У Ковалева было много работы: сутками не выходил он из помещения полиции, орудовал резиновым шлангом. Одно за другим перед ним проплывали окровавленные, почерневшие лица: Сивашев Николай... Капля Раиса... Трофимова Нонна... Жиленко Александр... Он видел их глаза, рты, и если рты начинали от боли кричать, он бил шлангом по губам, молотил по голове — лица проваливались, люди падали на пол. Ковалев не только бил: Вероновского, начальника штаба отряда Мостовенко, он убил лично. Всех подпольщиков расстреляли в Петрушиной балке в тихий утренний час.

Из тех сумасшедших ночей попали в архив протоколы и еще несколько свидетельств, касающихся г-на Ковалева: приказ от 16 июня 1943 года о награждении «Ковалева Александра за активную деятельность по ликвидации подпольного партизанского движения в городе Таганроге орденом для служащих восточных народов 2-го класса» и заявление жены расстрелянного подпольщика о том, что Ковалев «получил от немцев кожаное пальто мужа, брюки, сапоги и рубашку».

Наверно сейчас, по прошествии двадцати лет, Ковалев эти сапоги и пальто износил, у г-на Ковалева наверняка хороший гардероб; он имеет и собственный дом, и дачу в семидесяти пяти километрах от Торонто. Дальнейшая судьба его сложилась примечательно.

Через три месяца после расстрела партизан гитлеровцев из Таганрога вышибли. Ковалев со своим «орденом служащих Восточных народов» сбежал в Германию. «Орден» ему, как оказалось, пригодился. После войны его видели в Тионвиле, во Франции: он с активным врагом нашей страны Столыпным, занялся засылкой в Советский Союз контрреволюционных листовок.

Я эти листовки читал. Как ни странно, чем-то они напомнили мне сонную стокгольмскую выставку: рассуждения о добре, о свободе, гуманности, терпимости. На этом «терпимость» кончилась, дальше следовал призыв «подорвать советскую систему».

В 1948 году Ковалев переехал в Бельгию, работал в какой-то брюссельской фирме чертежником... И вот уже перед нами не кровавый злодей, палач, гнусный предатель родины, а обыкновенный «маленький человек», «песчинка», излюбленный персонаж новейшей западной литературы, «индивидуум», которого нельзя «тормозить», а надо баюкать и не мешать ему засниматься своим делом. Однако «дело» у г-на Ковалева было вполне определенное: работая чертежником, он одновременно был помощником главаря белогвардейской организации Россалевича и информатором бельгийской контрразведки.

В Канаде ближайшими соседями Ковалева являются и другие отщепенцы, изменники родины, которые в Петрушиной балке и в гестаповских застенках Таганрога делали одно общее дело с эсэсовцами: мучили и убивали.

Это — Иван Дмитриевич Гйберт (он же Ганс Гиберт) и Гельмут Оберлендер — уроженцы Города Молочанска, Запорожской области. Гиберту сейчас сорок шесть, Оберлендеру — сорок три года: оба они еще сравнительно молоды, но за плечами у них

— длинный путь злодеяний. Сослуживец Гиберта и Оберлендера — Отто Нюрейберг, которого настигла рука возмездия, рассказал в 1961 году на суде:

— Для расстрелов была выделена специальная команда. В нее входили Гиберт, Оберлендер, я и другие. В Таганроге нашей командой было расстреляно 1500 советских граждан... В Ростове только за один день мы расстреляли около 500 или 600 человек... В Краснодаре наша команда произвела регистрацию и расстрел всех евреев города. В Новороссийске мы уничтожили 200 человек...

Сейчас Оберлендер в Канаде строит дома. Он — архитектор, после войны получил образование в Западной Германии. Я не мистик, но мне кажется, что по ночам комнаты домов, построенных Оберлендером, заполняют призраки загубленных в Петрушиной балке. Спокойно ли спит обитателям?

Гиберт живет неподалеку от своего дружка, в провинции Онтарио, Ветлей Бокс, 221. В гостеприимной Канаде нашел Приют и Иван Андреевич Рябов, каратель, который начал свою кровавую деятельность в «зондеркоманде СД-10» в Нальчике, затем расстреливая соотечественников на Украине, подавлял Варшавское восстание, а в 1944 году воевал против югославских партизан. Нынешний адрес Рябова: 85, Оксфорд, Торонто, Онтарио.

Я хотел бы, чтобы об этих людях узнали на Западе. Но там устали от политики, от «Пропаганды», предпочитают что-нибудь «семейное» и очень любят читать про детей. Что ж, среди ковалевской «документации» есть и такой материал — безымянное письмо из таганрогской тюрьмы, написанное в страшном смятении, отрывком карандаша:

«Тоня, я очень печальную новость узнала, что меня этапом отправляют будут, но ничего, буду терпеть, я все равно погибну... Я вас прошу — не обижайте Лианочки. В 10 часов утра в пятницу будут меня гнать, старайтесь меня видеть, договоритесь как-нибудь устроить свидание и очень прошу — Лианочку хочу видеть, приведите ее сюда, может дадут попрощаться. У меня мечты только за нее, я не знаю, почему она такая несчастливая...

Может не хотят говорить, что меня расстреляют, но вообще узнай точно, а если нет, то принесите завтра какое-нибудь темное платье, рубашку, у меня порвались боты, резина поотклеивалась, говорят, что сто километров пеши идти, не знаю насколько верно. Продай мои туфли, купите хлеба на дорогу, но только устройте, чтоб я увидела Лианочку, узнайте по какой дороге поведут, может Клавдия подойдет туда с Лианочкой, я хоть попрощаюсь, если у вас есть чувства материнские. Я больше ее не увижу и вас. Как тяжело расставаться. Я прошу всех помогите мне проводить меня, ибо я с вами больше не встречусь. Вы будете жить, а я обливаться кровью...

Я вам пишу, а вы мне ни единого раза не отвечали, как вы живете и как моя золотая дочечка, интересно у кого она останется жить, вот ей, бедной, досталась доля. Пока до свидания, прошу вас убедительно сделать, о чем прошу в записке, не обижайте, последний раз привет всем, отцу, матери, Жене, бабушке, тете Кате, всем ребятам твоим и детям, и моей дочечке. Целую вас всех крепко и свою белокурую Лианочку целую в глазки и лобик...»

Письмо из таганрогской тюрьмы так и не дошло до Лианочки: его изъял Ковалев... Неизвестная отправительница письма не знала, что ста километров пешком ей пройти не придется. С Владимирской площади колонну повели по мариупольскому тракту к Петрушиной балке...

И вот я еду по этой черной дороге, в серо-свинцовый зимний день. На черноземных полях — клочья снега. В километрах двух от балки дорога становится непроезжей — машина останавливается и, скользя по ледяным коркам, плюхаясь в черноземную грязь, я иду по той же дороге, по которой вели их. И я представляю себе, как они скользили, падали, догадываясь, зачем вдруг колонна свернула с мариупольской дороги в сторону, Петрушино.

Эти два бесконечных километра были путем смерти и путем надежды: кто-то пустил слух, что в Петрушино будет привал. А потом, когда они сошли с дороги и спустились в узкую, между двух черных холмов, ложбину и задние увидели, как те, кто шел впереди, остановились и что взлетели тяжелые комья черной земли — это рыли могилу, — они поняли, что вот именно сейчас, именно здесь наступит смерть.

Их стали «по-хорошему» уговаривать — «без паники» раздеться и прыгать в яму, «соблюдать порядок», а один из карателей устало сказал: «Ну, проявите же, наконец, сознательность. Надо раздеться. Сойти в яму. Вот так». И одни механически выполняли приказ, а другие начали упираться, плакать, кричать, но это не помогло, ни тем, ни другим. Их убили. Начальник тайной полевой полиции Брандт, Тримборн, Зецен и Герц укатили с места преступления в легковой машине.

Теперь я той же ложбиной приближаюсь к страшному месту: безлюдье, чернота земли и вдруг впереди обелиск. На нем начертаны слова вечной памяти. Но что такое вечная память? Несколько слов на обелиске, ежегодные митинги, книги писателей?

Все не вечно: жажда мести, память людей. Вечной должна быть наша общая воля не допускать повторения таких злодеяний, вечной, как сама жизнь, должна быть всемирная ненависть человечества к тем, кто нес людям смерть...

...Я перечитывал список расстрелянных: Афионов Василий... Мостовенко Степан... Перцев Георгий... Перцева Антонина... Мурзаев Василий... Витковский Спиридон... Рыбас Лидия... Петренко Захар... Иващенко Ольга...

Меня охватывало необычайное волнение: каждый из этих рядовых подпольщиков, никому не известных граждан периферийного советского города, был причастен к величайшему подвигу спасения человечества. Это спасение включало в себя всех: девочку с куклой, стариков на золотой свадьбе, огни городов и чайки над заливами, одним словом — жизнь. Но что стояло за этим подвигом, в чем были его истоки?

Среди «вещественных доказательств» хранились пронумерованные и «приобщенные к делу» реликвии: портрет Ленина, вырезанный из довоенной газеты, текст «Интернационала», номер «Правды».

Вот откуда шел подвиг.

Человечество приняло спасение из рук коммунизма.

Но сознают ли это посетители стокгольмской выставки?..

И еще об одном. В Таганроге я пытался найти следы людей, которых в июне 1943 года должны были «переселить» как «неработающих»: взял тогдашние списки, направился в адресный стол. Почти все они значатся «выбывшими» — никто не уцелел. И все-таки одна семья осталась жива. Это была Екатерина Владимировна Пчелина из Северного поселка, с тремя своими детьми. Ей удалось вырваться из рук фашистов: детей она прятала у соседей, сама долго скрывалась в кукурузном поле, затем в окрестных деревнях, до тех пор, пока не пришли наши. Муж Екатерины Владимировны погиб на фронте, но дети выросли. Сейчас это крепкие рабочие парни: старший сын недавно возвратился из армии, младший еще служит.

Я слушал рассказ этой доброй русской женщины о страшных, незабываемых временах, разговаривал с ее сыновьями. Передо мной были обыкновенные люди, которыми богата и красна жизнь на земле. Представители человечества, которые, победив смерть, никогда не согласятся на то, чтобы к «семье людей» причисляли фашистских убийц и их покровителей.

Лев Гинзбург

